Хабибуллина Э.Ф.

Сюжетообразующая функция мифологем в новелле Т. Шторма «Всадник на белом коне»

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Россия, Елабуга)*

doi: 10.18411/scienceconf-05-2020-24

idsp: scienceconf-05-2020-24

Аннотация

Настоящая статья посвящена рассмотрению функционирования мифологем в новелле Т. Шторма «Всадник на белом коне». В работе кратко изложено взаимодействие мифа и художественной литературы, а также представлены подходы учёных к дефиниции понятий «миф» и «мифологема», и к определению основных функций мифологем. Дана характеристика мифологем, выявленных в новелле и анализ их роли в произведении.

Ключевые слова: миф, мифологема, функция мифологем, новелла, сюжет, Теодор Шторм.

Abstract

The article is devoted to the consideration of functioning of mythologies in the novel "The rider on the white horse" by T. Storm. The paper briefly describes the interaction of myth and fiction, as well as the approaches of scientists to the definition of the term "myth" and "mythologeme", and to the determination of the main functions of mythologemes. Characteristics of mythologemes identified in the novel and analysis of their role in the text are given in the paper.

Key words: myth, mythologeme, the function of mythologemes, novel, plot, Theodor Storm.

В литературоведении проблема взаимодействия мифа и литературы по-прежнему не теряет своей актуальности. Исследования мифа, принадлежащие зарубежным (К.-Г. Юнг, М. Элиаде, Р. Барт, Э. Фромм) и отечественным (А.А. Потебня, Е.М. Мелетинский, Ю.М. Лотман, А.Ф. Лосев и др.) ученым в XX веке лишь усиливают интерес к мифологическому анализу художественного текста, поскольку практически все художественные произведения наполнены разнообразными мифологемами, мифическими сюжетами, значительно меняющими восприятие и, возможно, оценку произведения. Писавшие о взаимодействии литературы и мифа Ю.М. Лотман, З.Г. Минц и Е.М. Мелетинский в работе «Литература и мифы» отмечают, что «авторы обращаются к ритуалу и мифу не как к вечным моделям искусства, а как к первой лаборатории поэтической образности» [6].

Учёные отмечают, что довольно трудно подыскать мифу одно единственное универсальное определение, которое было бы принято всеми учеными и в то же время понятно неспециалистам. В данной работе мы придерживаемся определения, данного Э. Мирча, который считает, что миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена «начала всех начал». Автор отмечает, что это всегда рассказ о некоем «творении», в котором нам сообщается, каким образом что-либо произошло [9, с. 16].

Мифологи, фольклористы и литературоведы давно уже заметили, что из страны в страну, из эпохи в эпоху, из текста в текст кочуют одинаковые мотивы, ситуации, образы, первообразы и прообразы. Такие образы в литературоведении называют «мифологемами» [7, с. 10]. «Мифологема» трактуется отечественным учёным В.К. Хазовым, как «устойчивый, воспроизводимый коллективным сознанием в

различных текстах культуры комплекс знаков, играющий роль универсального паттерна и определяющий как содержание, так и оформление соответствующих феноменов культуры» [8, с. 9].

Особенностями мифологемы определяется широкий набор функций, которые она выполняет. Е.Ю. Ильинова выделяет ряд коммуникативных функций мифологемы:

1. *Познавательную* (мифы выступают как инструмент познания мироустройства).
2. *Аксиологическую*, предполагающую внедрение определённой ценностной шкалы поведения главных героев и происходящих событий.
3. *Регулятивную* (в мифах часто идёт речь о возникновении и соблюдении норм, касающихся поведения и деятельности, т.е. мифы представляют собой «образ» запрета-разрешения в обществе).
4. *Эстетическую*, благодаря которой в новелле сохранены нарративные традиции и выразительные возможности фольклорной архаики [4, с. 187].

Помимо вышеупомянутых мифологема реализует также другие важные функции: *мировоззренческую функцию*, подразумевающую содействие человеческому сознанию в конструировании картины мира, *адаптивную функцию*, которая заключается в приспособлении к условиям быта в результате обращения к мифам, *функция смыслополагания*, заключающаяся в возможности индивида вписать себя в определенный смысловой, социокультурный контекст, и *интегрирующую функцию*, которая обеспечивает национальное самосознание, целостность группы людей, коллектива, общества [5].

Однако предметом нашего интереса является сюжетообразующая функция мифологем. О значимости данной функции писала В.Н. Варламова в статье «Сюжетообразующая функция мифологемы в художественном тексте (на материале английской литературы XX века)», где акцентируется внимание на том, что мифологема представляет собой мифологический «пережиток», отражающийся в современной художественной литературе. Иными словами, сюжетообразующая функция мифологемы состоит в том, что мифологема является материалом для формирования нового художественного содержания, и автор при этом актуализирует и интерпретирует мифологему сквозь призму своего художественного восприятия [2, с. 97].

Здесь важно отметить, что по мнению А.В. Гизатуллиной, «степень раскрытия заложенного, иногда неосознанно, автором смыслового и «воздейственного» потенциала зависит от множества характеристик самого текста, от его интертекстуальности, от степени подготовленности читателя. Последняя включает в себя как общий культурный и образовательный уровень, так и литературный и внелитературный (жизненный) опыт читателя, а также его готовность воспринимать данный конкретный текст в конкретных условиях» [1, с. 173].

Мифологемы не только выражают важные для понимания сюжетных мотивов аллюзии и образы. В некоторых произведениях реальность и миф переплетаются, и результатом подобного синтеза, который становится сюжетообразующим, является совершенно новое видение произведения.

Одним из таких произведений является новелла выдающегося немецкого писателя Теодора Шторма «Всадник на белом коне» (с нем. *“Der Schimmelreiter”*), послужившая материалом нашего исследования. В новелле читатель знакомится с Хауке Хайеном, прирождённым смотрителем плотины. Главный герой, переросший своё время, имеет несчастье жить в чуждой, а иногда даже враждебной ему среде. Однако, несмотря на все препятствия, ему удастся исполнить свою мечту – он занимает пост смотрителя плотины. Особенностью данной новеллы является то, что в повествовании сплетаются правда и вымысел, реальность и миф.

В результате анализа произведения нами было выявлено 9 мифологем:

1. Мифологема «белый конь».
2. Мифологема «предательство».
3. Мифологема «остров».
4. Мифологема «конец света».
5. Мифологема «вода».
6. Мифологема «мировое дерево».
7. Мифологема «самопожертвование».
8. Мифологема «строительная жертва».
9. Мифологема «добро и зло».

Для определения функций, которые выполняют мифологемы в исследуемом тексте каждая из мифологем была рассмотрена подробно. В результате этого мы пришли к выводу, что следующие мифологемы являются наиболее важными для полноценного понимания новеллы, уточнения специфики взаимоотношений главных героев и развития сюжета произведения:

1. Мифологема «белый конь». Белый конь главного героя в новелле «Всадник на белом коне» возник предположительно, как мотив из германо-скандинавской мифологии, где его стали связывать с Гелой, богиней смерти и царства мёртвых, или с самим дьяволом. По мнению зарубежного исследователя К. Голандера благодаря этому писателю успешнее удаётся представить читателям протагониста в ауре зла и гибели [3].

2. Мифологема «конец света». Последние слова Хауке Хайена „eine Sündflut war's, um Tier und Menschen zu verschlingen“ («*потоп поглотит людей и зверей в наказание за их грехи*») [10, с. 369] предположительно являются отсылкой к библейской истории о всемирном потопе, когда Бог посылает людям кару в виде потопа за их грехи. Применительно к данной новелле в качестве грехов могут быть рассмотрены, к примеру, стремление главного героя усмирить природу, а точнее покорить море, не дав ему пройти через возведённые дамбы.

3. Мифологема «мировое дерево». Мировое дерево представляет собой вселенское дерево, которое в фольклоре многих народов объединяет все сферы мироздания. Мировое дерево в скандинавской мифологии – огромный ясень. Все самые значимые события новеллы так или иначе отмечены присутствием этого дерева. Так, серьезный разговор о том, что Хауке Хайен должен оставить службу у смотрителя плотины, происходит под ясенем; под ясенем главный герой останавливается с конем, приводя того домой, а перед сценой потопа автор пишет „die alte Esche knarrte, als ob sie auseinanderstürzen sollte“ (*старый ясень скрипел, словно вот-вот рухнет*) [10, с. 363].

4. Мифологема самопожертвования. Можно предположить, что данная мифологема нашла отражение в параллели Хауке Хайен – бог Один. Внутренняя и внешняя борьба добра и зла у Одина сродни внутренней и внешней борьбе добра и зла Хауке. Один – бог мудрости и защитник героев, в то время, как и Хауке, будучи смотрителем плотины, преграждающей путь «смертоносным» морским волам, является защитником своего народа. К тому же, для обоих персонажей характерно самопожертвование ради общего блага.

5. Мифологема «добро и зло». Во время одного из зимних праздников Хауке сравнивают с одним из самых почитаемых в христианстве Архангелов – с Архангелом Михаилом, являющимся по преданию победителем Сатаны. Подобное сравнение наводит на мысль об отождествлении Хауке с героем, ставшим лучшим игроком наперекор стараниям своих недоброжелателей, запятнать его репутацию. Более того, будучи смотрителем плотины, Хауке Хайен предстает в новелле как защитник своего народа от возможного потопа, тогда как Архангел Михаил был защитником израильского народа.

Все вышеупомянутые мифологемы, являясь элементом композиционно-смысловой структуры, становятся определяющими для восприятия, полноценного понимания и оценки главных героев, а также происходящих в новелле событий, позволяют читателю проникнуть в более глубинные содержательные структуры художественного произведения. Так, мифологемы «белого коня», «самопожертвования» и «добра и зла» способствуют раскрытию личности главного героя, владельца «дьявольского коня», а мифологема «конца света» на примере судьбы главного героя раскрывает проблемы «искупления грехов» и «стремления покорить природу». Таким образом, мифологемы привлекают, очевидно, не только возможностью безграничного расширения сюжета за рамки времени и пространства, но и ориентацией на вневременные ценности и константы.

Автор новеллы «Всадник на белом коне», Теодор Шторм, «извлекает» из культурной памяти человечества мифологему и модифицирует её в зависимости от своих авторских интенций и миропонимания. Благодаря этому произведение становится более ярким и богатым в содержательном плане.

В результате этого мы пришли к выводу, что наиболее значимой в исследуемом произведении являются сюжетообразующая функция. Её реализация в корне меняет восприятие произведения, раскрывая при этом глубинные замыслы писателя и способствуя развитию центральной проблемы произведения. Автор новеллы «Всадник на белом коне», Теодор Шторм, «извлекает» из культурной памяти человечества мифологему и модифицирует её в зависимости от своих авторских интенций и миропонимания. Благодаря этому произведение становится более ярким и богатым в содержательном плане.

1. Гизатуллина А.В. Падение Берлинской стены в творчестве немецкоязычных авторов: проблема рецепции // Литература в диалоге культур: проблемы рецепции инокультурного текста: коллективная монография / Отв. ред. А.М. Борисов, Е.М. Шастина. – Елабуга: Издательство Елабужского института Казанского федерального университета, 2015. – С. 173-195.
2. Варламова, В.Н. Сюжетообразующая функция мифологемы в художественном тексте (на материале английской литературы XX века) / В.Н. Варламова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2018. – С. 96–99.
3. Данилкова, Ю.Ю. Между преданием и легендой: новелла Т. Шторма «Всадник на белом коне» / Ю.Ю. Данилкова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2012. – №18. – С. 180–192.
4. Ильинова, Е.Ю. Мифологема как эвристический прием интерпретации когнитивной картины мира / Е.Ю. Ильинова // STUDIA LINGUISTICA. Антропоцентрическая лингвистика: проблемы и решения. 2012. – № 21. – С. 184–194.
5. Круталевич, А.Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии / А.Н. Круталевич // Культура и цивилизация. – 2016. – №1. – С. 10–21.
6. Лотман, Ю.М. Литература и мифы / Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, Е.М. Мелетинский // Текст: электронный. – URL: <http://philologos.narod.ru/myth/litmyth.htm>.
7. Телегин, С.М. Словарь мифологических терминов: учеб. пособие / Телегин. – М.: Изд-во УРАО, 2004. – 98 с.
8. Хазов, В.К. Мифологемы российской культуры постсоветского периода (1990-е годы): философский анализ: автореферат дис. канд. филос. наук. / В.К. Хазов // Астрахан. гос. ун-т. – 2009. – 20 с.
9. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде: Пер. с фр. – М.: Академический Проект, 2010. – 4-е изд. – 251 с.
10. Storm, T. Sämtliche Werke in vier Bänden. Novellen. Kleine Prosa. / T. Storm. – Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1978. – С. 251–372.